

П. Н. Базанов

Историк Николай Иванович Ульянов — студент и преподаватель Ленинградского государственного университета

Жизнь и творчество петербургского историка, самого известного представителя второй эмиграции профессора Николая Ивановича Ульянова (1904–1985), до сих пор не изучены. Несмотря на существование многочисленных публикаций о его деятельности, где, как правило, приводятся и сведения простой биографии историка, за пределами интересов исследователей остаются многие периоды его жизни. Все биографы Н. И. Ульянова ограничиваются простой констатацией фактов: учился в Петроградском университете (1922–1927 гг.), был учеником С. Ф. Платонова, в начале 1930-х гг. работал в Ленинградском университете. В данной статье на основе многочисленных мемуаров и архивных источников (впервые вводимых в научных оборот студенческого и преподавательского личных дел¹ Н. И. Ульянова) сделана попытка восстановить этот период его жизни.

В июле 1922 г. Н. И. Ульянов поступил на общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета². Рекомендация на поступление в университет ему была выдана культурно-просветительским отделом Дворца Труда Петроградского Совета профсоюзов по квоте профорганизаций³. В октябре 1925 г. с третьего курса он перевелся на четвертый курс историко-археологического цикла факультета языкознания и материальной культуры⁴. Интересно, что после окончания обучения Н. И. Ульянов неоднократно определял свою специальность как «русский историк» или «русская история»⁵, а в официальных документах и анкетах зафиксировано: «История народов СССР»⁶.

Базанов

Петр Николаевич,

доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (Санкт-Петербург, Россия)

За обучение молодой историк не платил; наоборот, вел обширную переписку о получении государственной стипендии на том основании, что живет на иждивении матери с младшей сестрой. Мать Екатерина Гаврильевна Ульянова работала уборщицей и получала минимальную советскую зарплату 20 руб.⁷ Как писал сам Н. И. Ульянов: «сознательной политической жизнью стал жить только во время поступления в Университет, где вступил в комсомол (1925 г.)»⁸. Этот факт своей биографии, так же как кандидатство в ВКП(б) с 1931 г., Н. И. Ульянов скрывал в эмиграции. Реальной общественной нагрузкой в студенческие годы было руководство экскурсионно-драматической секцией⁹. На последнем курсе Н. И. Ульянов уже работает на материальной основе за зарплату 10 руб. 17 коп. и возглавляет драмкружок при 3-й Ленинградской школе Северо-Западной железной дороги (одно из мест работы матери)¹⁰.

Производственную практику проходил летом 1926 г. в архивохранилище «Красная Армия» при Губархивбюро на Инженерной улице, дом 10. Студент оставил подробный отчет, наглядно демонстрирующий стиль будущего ученого историка¹¹.

В то время в университете не была принята балльная система оценок знаний, ставились только зачеты, но известно, что у Н. И. Ульянова постоянно были проблемы с идеологическими предметами — диаматом, политэкономией и др.; от отчисления, видимо, спасало пролетарское происхождение.

Перечислим предметы, которые сдавал будущий историк: «Развитие общественных форм», «Политика и организация народного образования СССР», «История общественного развития», «Новейшая история России», «Новейшая история Запада», «Археография», «Война и кризис социализма» (спецкурс). Семинары: «Марксистская историография», «Методика обществоведения», «Русская история» (просеминарий!), «Русская история. Наказы Екатерины», «Русская история. Памятники Смутного Времени», «Русская история. XVII век», «Русская история. История русского Севера», «Новейшая история Запада», «Империалистическая война 1914 г.», «Современное русское искусство»¹². Благодаря матрикулу (зачетной книжке) удалось расшифровать часть подписей тех, кто преподавал Н. И. Ульянову. Педагогику вел Василий Адамович Зеленко (1878–1957) — первый ректор (1918–1924) и создатель Института внешкольного образования (ныне Санкт-Петербургский государственный институт культуры)¹³. В. А. Зеленко, выпускник Цюрихского университета, еще до революции был известным специалистом по детскому чтению и внешкольному образованию. После ухода с постов ректора и декана книжно-библиотечного факультета занимался преподавательской деятельностью, был членом правления Государственного института научной педагогики и Ленинградского государственного историко-лингвистического института. В 1924 г.

Студент
Н. И. Ульянов

В. А. Зеленко — ученый секретарь Совета по изучению производственных сил СССР АН СССР. В 1937 г. был выслан в ссылку в Тарский район Омской области, где и находился до 1956 г.¹⁴

Просеминарий «Русская история» и предмет «Русская история. Наказы Екатерины» вел известный историк, член-корреспондент АН СССР, профессор Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929)¹⁵. Характеристику исторического метода школы С. Ф. Платонова, данную А. Е. Пресняковым, Н. И. Ульянов любил цитировать: «научный реализм, сказывающий, прежде всего, в конкретном непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографических традиций»¹⁶.

«Новейшая история России» читалась профессором Сергеем Валериановичем Вознесенским (ученик С. В. Рождественского)¹⁷. Вспомогательные исторические дисциплины «Дипломатика» и «Археография» преподавал доктор исторических наук, профессор А. И. Андреев¹⁸. Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) — историк, источниковед, археограф, с 1913 г. сотрудник Постоянной исторической комиссии Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук, в 1919–1927 гг. преподавал в ЛГУ. В 1929 г. А. И. Андреев был арестован по «Академическому делу». Весной 1935 г. вернулся из ссылки в Ленинград и вскоре стал старшим научным сотрудником Института народов Севера и Института этнографии АН СССР и в Ленинградском отделении Института истории¹⁹. В последнем институте успел поработать со своим учеником Н. И. Ульяновым.

Спецкурс «Война и кризис социализма»²⁰ читал в 1925 г. профессор ЛГУ Павел Павлович Щёголев (1903–1936), специалист по истории французской буржуазной революции конца XVIII в. и по позднему западноевропейскому средневековью, сын публициста и историка литературы Павла Елисеевича Щёголева (1877–1931).

«Экзотический» курс для исторических факультетов — «Современное русское искусство»²¹ — вел филолог, драматург, театровед, киновед, заслуженный деятель искусств Андриан Иванович Пиотровский (1898–1938). Он был одним из основателей советского театроведения и киноведения. В 1924 г. А. И. Пиотровский возглавил художественный отдел ленинградского Губполитпросвета и руководил художественной самодеятельностью города, заведовал литературной частью Большого драматического театра, Малого оперного театра (был одним из соавторов либретто балета «Светлый ручей» Д. Д. Шостаковича). Одновременно был директором Высших государственных курсов искусствоведения при Государственном институте истории искусств, где читал курсы истории античного театра и социологии искусства и писал теоретические работы о специфике кино, поэтические переводы (Аристофан, Эсхил и др.), труды по истории античного театра. В 1928–1937 гг. он был художественным руководителем Ленинградской фабрики «Совкино» (киностудия «Ленфильм»). В 1937 г. А. И. Пиотровский был репрессирован и расстрелян, реабилитирован посмертно.

Самое большое влияние на формирование молодого историка оказал академик Сергей Федорович Платонов (1860–1933), последним учеником которого он стал²². С. Ф. Пла-

тонов вел семинары: «Русская история. Памятники Смутного Времени», «Русская история. XVII век», «Русская история. История русского Севера»²³. Под влиянием академика Н. И. Ульянов усиленно начинает заниматься историей Северо-Запада России и Русского Севера XVI–XVII вв. Первая же его студенческая работа «Влияние капитала на колонизацию русского Севера в XVI–XVII вв.» была рекомендована к печати С. Ф. Платоновым в докладе на неделе русских историков в Берлине в 1927 г.²⁴ Другие ранние статьи молодого ученого также получали высокую оценку академика²⁵. Н. И. Ульянов всю свою научную деятельность руководствовался определением своего учителя академика С. Ф. Платонова: «История же есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных человеческих обществ и всего человечества»²⁶. Н. И. Ульянов подчеркивал, что в лице С. Ф. Платонова «русская историческая наука вступила на путь монографического изучения отдельных сюжетов и на освобождение от предвзятых точек зрения на русский исторический процесс»²⁷. Впоследствии Н. И. Ульянов посвятил мемуарный очерк²⁸ и свой последний прижизненный сборник «Скрипты»²⁹ «дорогому учителю академику С. Ф. Платонову». Приведем обширную цитату из воспоминаний Н. И. Ульянова «С. Ф. Платонов»:

«В двадцатых годах студентам Петроградского Университета приходилось слушать лекции в холодных, неотапливаемых аудиториях. Сидели в пальто. Профессора тоже. Как сейчас помню: вошел в четвертую аудиторию и прошел к кафедре седой подстриженный бобриком старичок лет шестидесяти. Лицо суховатое, растительности никакой, только на подбородке белый клочок. И это Платонов! Какой контраст с популярностью, окружавшей его имя! А популярность была такова, что даже В. И. Невский, старый большевик, один из видных руководителей Наркомпроса, назвал Платонова в своей речи “драгоценным фарфором”, подлежащим бережному хранению.

Столь же исключительным предстал Сергей Федорович в роли руководителя семинара. Уже тогда, в 20-х годах, началось искажение в советских университетах идеи семинарских занятий, превратившихся в школярство, в подобие классной “учебы”. Платоновский семинар оставался особенным, был своего рода оазисом, где студент посвящался в тайны научного исследования. “Тайн”, собственно, никаких не было, но не было манеры некоторых профессоров “кормить с ложки”, — давать советы, наставления, как писать доклад. Просто предлагался список тем в пределах общей темы семинара, и каждый выбирал, что ему нравилось. С. Ф. не любил, когда приходили к нему “на консультацию”.

Студент должен справляться с докладом своими силами. Кто не умел ни литературы, ни источников подобрать по своей теме, ни обдумать концепцию реферата, рассматривался как недостойный внимания. Из такого все равно ничего не выйдет. Похоже это было на ту школу плавания, когда человека прямо бросают в воду, не обучая никаким приемам. Зато в заседании семинара доклад подвергался тщательному разбору. Тут и была истинная

“школа”. Заключалась она, конечно, не в выискивании промахов и недостатков. Следил Платонов за степенью “вчувствования” в избранную тему, за степенью мобилизации материала, за тонкостью аргументации, за композиционным построением. Мы долго помнили похвалу Сергея Федоровича первому же “докладчику”, имя которого я не могу здесь назвать, как человека, живущего в СССР. Оставленный одновременно со мной при кафедре, принятый в аспирантуру РАНИОНа (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. — П. Б.) и сделавший потом хорошую педагогическую карьеру в одном из высших учебных заведений, он ограничился чтением лекций, но ни строчки не опубликовал в печати»³⁰.

После окончания университета в связи с централизацией поствузовского обучения Н. И. Ульянов поступил в аспирантуру РАНИОН в Москве. Это произошло благодаря положительному отзыву С. Ф. Платонова на вступительную работу — «выдающаяся»³¹; «тема поднята правильно, хорошо обдумана и выполнена прекрасно, автор обладает хорошими сведениями по экономике, широко осведомлен в литературе вопроса и непосредственно знаком с первыми источниками»³², хотя за постижение «исторического материализма» и политэкономии получил оценку удовлетворительно. Что совсем не удивительно, учитывая отношение Н. И. Ульянова к марксизму. Во время обучения в аспирантуре главным недостатком считалось отсутствие идеологического энтузиазма, выражавшееся в формулировке: «В прениях на марксистском семинаре не выступает»³³. В годы аспирантуры Н. И. Ульянов, работая над диссертацией по теме «Кола и Мурман XVII в.»³⁴, не прерывает связи со своим учителем, состоит с ним в переписке, рассказывает о научных успехах и археографических находках. В свою очередь академик даже помогает копировать редкие документы XVII в. для работы над диссертацией³⁵. С. Ф. Платонов упоминает Н. И. Ульянова как близкого знакомого и в знаменитом «Академическом деле»³⁶.

Среди своих преподавателей Н. И. Ульянов вспоминал И. М. Гревса, чей курс истории раннего средневековья он слушал в 1922–1923 г. и характеризовал его как «одно из моих самых приятных университетских воспоминаний»³⁷. Занимаясь в течение пяти 5 лет в семинаре Е. В. Тарле, Н. И. Ульянов характеризовал преподавателя: тот был «лектор Божией милостью, у которого обилие фактов сочеталось с художественностью изложения»³⁸. «Читая лекции, Тарле никогда не сидел в кресле; то, что он говорил, подкреплял широкими жестами. Его лекции были похожи на парламентские речи. Да и по наружности он был барин — всегда по-европейски одет. В 1925 г. еще обращаясь к студентам, он говорил: — Господá!» Вернувшись из ссылки в 1933 г.: «внешне он был таким же, как прежде: белоснежная рубашка, высокий жилет, костюм поношенный, но очень опрятный. Но внутренне он был уже не тот: “товарищи”, “товарищ Сталин”, “товарищ Литвинов”... Особый интерес представляла его встреча с Г. С. Зайдедем и М. М. Цвибаком, которые поносили его как “вредителя”, “контрреволюционера”. Встретились они дружно, как ни в чем не бывало... Будучи в ссылке в Алма-Ате,

Тарле произнес хвалебную речь, посвященную М. Н. Покровскому, который тогда только что умер, а по возвращении из ссылки “разоблачал” того же М. Н. Покровского, потому что к тому времени изменилась партийная линия. Ни в коем случае нельзя забывать давления больше того насилия, от которого ломалась воля — писал Н. И. Ульянов. — Русские ученые — это Галилеи нашего времени, от которых требовали отказа от своих теорий»³⁹. В 1922 г. Н. И. Ульянов слушал лекции Ф. И. Успенского — тот в это время стал готовить «наследников», которые могли бы продолжить его работу в области византоведения и славяноведения. Н. И. Ульянов вспоминал: «Этим объяснялись его странности по отношению к студентам. Подзывая к себе незнакомого студента, акад. Успенский оgoroшивал его вопросом:

— Вы зачем сюда пришли?

— На лекцию...

— Что значит на “лекцию”? Просто послушать или по настоящему хлебнуть?

Такими “допросами” акад. Успенский разогнал половину аудитории. Но все же нашел себе настоящих учеников»⁴⁰.

«Несчастное поколение ученых, — говорил Н. И. Ульянов. — Мы, в эмиграции не можем судить их и выносить какие-либо приговоры. Порою я задумываюсь: выиграла бы русская культура, если бы эти ученые сопротивлялись до конца, стояли бы на смерти и погибли? Нет думаю, что русская культура от этого не выиграла бы...»⁴¹

В 1927–1929 гг. в Москве в РАНИОНе Н. И. Ульянов учился на семинарах С. В. Бахрушина (работал над торговой книгой⁴²) и А. Е. Преснякова. В 1929 г. институт истории РАНИОН был объединен с институтом Комакадемии. В это время Н. И. Ульянов учится на спецсеминаре профессора М. Н. Покровского, влияние концепций которого чувствуется в советских работах историка. С другой стороны, Н. И. Ульянов с тех пор прекрасно разбирался в марксистском взгляде на историю, а большевистские теории М. Н. Покровского впоследствии критиковались им как пример высшей антинаучности и антинационального подхода к истории. Одновременно молодой историк работал в Кольской экспедиции АН СССР и библиотеке Института Ленина, где под руководством С. Н. Валка участвовал в описании нелегального фонда РСДРП⁴³.

В 1930–1933-х гг. Н. И. Ульянов по принудительной мобилизации работает доцентом в Северном краевом комвузе им. В. М. Молотова и Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе, где пишет работы по истории народа коми. За одну из них — «Очерки истории народа коми-зырян»⁴⁴ — ему была присвоена степень кандидата исторических наук.

В 1933 г. Н. И. Ульянов возвращается в родной город и работает доцентом кафедры истории России и народов СССР Ленинградского института истории и лингвистики, преобразованного вскоре в Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Вскоре Н. И. Ульянов довольно быстро занимает должность исполняющего обязанности заведующего кафедрой истории народов СССР, становится профессором ЛИФЛИ.

Одновременно работая ученым специалистом в Историко-археографической комиссии АН СССР (преобразованной в Институт истории АН СССР), читает исторические курсы в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева.

1 сентября 1934 г. Н. И. Ульянов возвращается на восстановленный исторический факультет ЛГУ им. А. С. Бубнова, сначала доцентом, потом профессором-совместителем с персональной ставкой 400 руб. Официально он был привлечен в ЛГУ для проведения занятий по истории СССР⁴⁵. На работу в ЛГУ молодой историк был направлен Горкомом ВКП(б)⁴⁶. Именно на историческом факультете вышла его хрестоматия «Крестьянская война в Московском государстве начала XVII века»⁴⁷.

Большинство сотрудников ЛИФЛИ были представителями так называемого «марксистского» направления в науке и являлись последователями М. Н. Покровского. Отношения с ними у Н. И. Ульянова сложились напряженные, особенно с «проработчиками» по «Платоновскому делу» профессором Михаилом Мироновичем Цвибаком (1889–1937) и деканом исторического факультета ЛГУ Григорием Соломоновичем Зайделем (1893–1937)⁴⁸. Ученик С. Ф. Платонова принципиально отстаивал позиции русской классической исторической науки. Например, в многотиражке ЛИФЛИ в заметке студента Гришина говорилось: «В списке литературы, рекомендованной проф. Цвибаком для подготовки к сессии, основным пособием является курс Покровского. Тов. Ульянов, который будет принимать зачеты, в беседе с некоторыми студентами сказал, что основной упор надо сделать на проработку таких трудов, как курсы Ключевского, Платонова»⁴⁹. Среди своих коллег по ЛИФЛИ Н. И. Ульянов вспоминал положительно М. В. Левченко, который занимал должность помощника декана, очень тяготился административной работой и на вопрос Н. И. Ульянова, не встречались ли они на лекциях Ф. И. Успенского, ответил что-то неразборчивое. Вскоре М. В. Левченко перешел работать к академику В. В. Струве и стал работать по истории Византии. Н. И. Ульянов объяснял его поведение так: «В ту пору когда большевики косо смотрели на такие “буржуазные” науки как история Византийской империи, он об этом и не заикался, но служа на маленькой должности в институте, не переставал следить за иностранной литературой по византоведению»⁵⁰. Действительно, ученик Ф. И. Успенского М. В. Левченко стал не только известным ученым, но и организовал в Ленинградском отделении АН СССР византийскую группу в 1939 г. и создал кафедру византоведения ЛГУ.

Противники и оппоненты Н. И. Ульянова любили и любят напоминать совершенно «советские» цитаты из его работ начала 1930-х гг.⁵¹ Но насколько в условиях советской «цензуры», принудительного идеологического редактирования, дописывания авторского текста и практики насильственной вставки цитат можно говорить об объективном отражении взглядов историка Н. И. Ульянова? С другой стороны, можно только согласиться с историками В. С. Брачевым и А. С. Лавровым: «Конечно, проще всего было бы обойти работы Ульянова этого времени, просто противопоставив их более зрелым трудам, написанным в эмиграции.

Однако нельзя не заметить, что именно в дискуссиях 20-х гг. сложилась та эрудиция в истории политической и правовой мысли, то умение видеть за частным историческим сюжетом целую историко-философскую проблему, которая будет характерна для него впоследствии»⁵². Явным заблуждением является мнение петербургского историка А. И. Терюкова: «после ареста в 1936 г. имя Н. И. Ульянова исчезает из числа исследователей фактически до начала 1990-х гг., и никто не упоминает о его работах»⁵³. Укажем только три ссылки в историографических обзорах советского времени — Е. И. Белянцева и В. А. Оборина на работы по истории Коми⁵⁴, В. В. Мавродина по крестьянским войнам XVII в.⁵⁵

Любопытно отметить, что в 1962 г. профессор В. В. Мавродин, друг молодости и коллега Н. И. Ульянова по ЛИФЛИ (они даже вызывали друг друга на социалистическое соревнование)⁵⁶ встретился с ним при посещении Гарвардского университета⁵⁷. «Там после одного из докладов к нему подошел немолодой человек. “Не узнаете меня, Владимир Васильевич?” — спросил он и на недоуменный взгляд Мавродина, сказал: “Я — Ульянов”...»⁵⁸ и тайно от советской делегации побывал у него в гостях⁵⁹. Поэтому В. В. Мавродин прекрасно знал, что его друг — эмигрант и профессор Йельского университета. Очевидно, цензура не отождествляла Н. И. Ульянова — советского историка (мало ли людей пропало в 1930-е гг. или во время войны) с профессором из Нью-Хейвена.

Лекции, спецкурсы и в особенности семинары Н. И. Ульянова, убежденным сторонником восстановления которых он был⁶⁰, производили на студентов самое блестящее впечатление «своей манерой, любовью и знанием предмета»⁶¹. Удалось выявить воспоминания трех историков, которые помнили Н. И. Ульянова преподавателем.

Генрих Маркович Дейч (1913–2003), доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена вспоминал о Н. И. Ульянове: «Он появился у нас уже на старшем курсе и читал специальный курс по истории XVIII – начала XIX в., а также вел спецсеминар по Смуте. Это был сравнительно молодой человек, со светлыми волосами, тихим “интеллигентным” голосом и очень хорошо читавший свои курсы. На занятия к нему почти всегда приходила его молодая жена и сидела до их окончания. Иногда мы его встречали гуляющим по Университетской набережной с женой и белым пуделем. Он очень привлек наши сердца и манерой, а главным образом своей любовью и знанием предмета. Особенно хороши были наши спецсеминары»⁶². «Он заставлял каждого студента сделать по докладу и затем устраивал настоящие дискуссии. Эти дискуссии всегда [проводились] удивительно живо и интересно. Свой доклад “Сказание Авраамия Палицына как исторический источник” я запомнил на всю жизнь. До сих пор помню, какую бурю вызвал мой тезис о том, что Авраамий Палицын не был никаким героем, а, наоборот, чуть ли не предателем, добровольно ушедшим к полякам, и что его сказание есть не что иное, как стремление оправдать себя. Почти все клевали меня беспощадно, но я больше всего помню то выражение удовлетворенности и даже счастья, которое было на лице

Ульянова от сознания, что он мог так увлечь и разжечь аудиторию и так было почти на каждом занятии»⁶³.

«К его талантам преподавателя», вспоминал бывший студент Н. И. Ульянова Г. М. Дейч, «прибавилось еще очень человеческое отношение к студентам и преподавателям в пору его деканства. Вообще Ульянов не без основания считался одной из самых ярких восходящих звезд ученого, административного и, что особенно удивительно, партийного мира»⁶⁴. На самом деле Н. И. Ульянов не был деканом ни в ЛИФЛИ, ни в ЛГУ, лишь в течение непродолжительного периода являлся зав. кафедрой. Найти какие-либо следы партийной карьеры историка пока не удастся. Хотя Н. И. Ульянов был только кандидатом в члены ВКП(б) и партийное дело не содержит даже намеков ни о должностях, ни даже об общественной коммунистической нагрузке⁶⁵. Единственное, что удалось обнаружить, кроме вышеупомянутого соцсоревнования, — это сведения о работе в Облбюро секции научных работников⁶⁶.

Продолжает вспоминать Г. М. Дейч: «И вдруг, в самый расцвет его карьеры, его неожиданно не стало на факультете. На наши вопросы в деканате как-то отмалчивались, и мы поняли, что Ульянова сняли, но толком не знали, просто ли сняли или еще и арестовали». Через некоторое время вечером Г. М. Дейч пошел в архив АН СССР, дверь ему открыл Н. И. Ульянов, который побледнел, жалко улыбнулся и, ничего не сказав, удалился⁶⁷.

Второй мемуарист, историк-античник, доцент Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской, кандидат исторических наук Михаил Борисович Рабинович (1907–1997), в то время аспирант ЛГУ, вспоминал: «В тридцатые годы на кафедре истории СССР был молодой преподаватель и ученый Николай Иванович Ульянов. Своим внешним обликом он чем-то напоминал Есенина. Открытое лицо, светлые волосы, падающие на лоб, ясные глаза. Сферой его научных интересов была феодальная Русь. Встречая его на факультете или дома на 3-й линии Васильевского острова — я был у него несколько раз — никто не мог предполагать, что ему готовит судьба. Вначале шло обычным для тех лет порядком: его арестовали (тогда это со многими случалось) и он исчез бесследно...»⁶⁸ На самом деле Н. И. Ульянов с 1927 г. до ареста жил на 5-й линии Васильевского острова, дом 22, квартира б.

Историк и общественный деятель, член руководящего круга Народно-Трудового Союза Николай Николаевич Рутыч (Рутченко) (1916/1917–2013), поступивший в 1934 г. на рабфак ЛГУ и потом учившийся на истфаке, оставил о Н. И. Ульянове наиболее полные воспоминания, выделив в своих мемуарах целую главу: «Профессор Н. И. Ульянов и “смутное время” на факультете»⁶⁹. На втором курсе, то есть в 1935 г., Н. Н. Рутченко стал слушать лекции по истории России XVIII в.: «Когда на кафедру поднялся доцент Ульянов, мы все удивились его молодости, ему едва было 30 лет, а его крепкая фигура и молодежавое, но энергичное лицо вызывало невольно интерес, как он справится с XVIII в. — периодом, когда сложилась и расцвела Российская империя»⁷⁰. «Н. И. Ульянов почти сразу же оправдал оказанное ему

доверие. Он опроверг догму М. Н. Покровского о так называемом торговом капитализме в эпоху Петра Великого, равно как и пересказы камер-юнкера Берггольца о недостойных нравах при дворе Петра и Екатерины I, которыми не брезговал пользоваться в своем курсе сам Ключевский, а за ним писатели А. Толстой и Б. Пильняк. Описывая во всех подробностях пристрастие Петра Великого к своей “потешной” гвардии — будущим Преображенскому и Семеновскому полкам, Н. И. Ульянов с блеском раскрыл все усилия по созданию русской регулярной армии, победившей шведов под Полтавой и завоевавших Прибалтику»⁷¹.

«Критически анализируя внешнюю политику России в XVIII в., Н. И. Ульянов не боялся перейти и к порой резкому осуждению деятельности наследников Петра». Н. Н. Рутыч вспоминал, что статья «Роковые войны России» — «почти дословное повторение его оценки Белградского мира 1939 г. (при Анне Иоанновне), данной в лекции перед нами»⁷².

«С чувством страстного убеждения и немалым ораторским искусством Николай Иванович провел цикл лекций, осветив выход Империи на берега Черного моря. Высоко оценивая деятельность Потемкина во время Турецких войн при Екатерине II, Ульянов подробно остановился на истории создания Новороссии на юге России с такими городами как Херсон, Одесса, Николаев, Севастополь, позволяя себе издевательскую насмешку над популярной на западе поговоркой о “потемкинских деревнях”. Это талантливое, страстное вторжение национально-государственного восприятия истории, озвученного в те времена, вызвало у многих из нас удивление и восхищение мужеством ученого. Особенно на фоне марксистско-ленинского доктринерства других профессоров, хотя во многом вынужденного на лекциях об истории конца XIX–XX вв.»⁷³

Далее Н. Н. Рутыч вспоминал, что у Н. И. Ульянова не было своего семинара, но на следующий год ему обещали дать, и мемуарист хотел посещать его вместе со своим другом Н. Семиным⁷⁴.

На основании воспоминаний и прорвавшихся в печать сведений можно смело сделать вывод: исторические взгляды Н. И. Ульянова сильно отличаются от его взглядов в печатных работах советского времени и убедительно свидетельствуют о принадлежности к традиционной русской исторической науке, в частности, школе С. Ф. Платонова.

Карьера Н. И. Ульянова внезапно прервалась при следующих обстоятельствах. После выхода 16 мая 1934 г. «Постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) о восстановлении преподавания гражданской истории в школе» начинается официальное разоблачение школы М. Н. Покровского. Многие противники и недруги Н. И. Ульянова были выгнаны из учебных и научных заведений. В юбилейном номере институтской многотиражки «За пролетарские кадры» от 7 ноября 1935 г. появилась статья Н. И. Ульянова под весьма символическим названием — «Советский исторический фронт»⁷⁵. Фраза в этой статье: «наша историческая наука быстро шла к своему вырождению», оказалась роковой, она была признана антипартийной формулировкой, и за это Н. И. Ульянова исключили из кандидатов в ВКП(б)

27 ноября 1935 г.⁷⁶ Ульянов лишь неосторожно публично высказал то, что было на уме, а возможно, и на языке и у многих других, правда, более осторожных коллег⁷⁷.

Формально Н. И. Ульянов был отчислен из ЛИФЛИ 29 ноября 1935 г. приказом директора за № 1626 от 27 ноября того же года⁷⁸. Вместе с тем, благодаря протоколам кафедры истории народов СССР становится ясно, что Ульянов присутствовал на заседаниях 7 марта, 23 апреля, 27 мая 1936 г. и даже выступал в прениях по докладу В. В. Мавродина «Образование Московского государства и возникновение абсолютизма в России»⁷⁹. Приказом от 9 апреля в комиссию по гос. экзаменам назначили проф. Н. И. Ульянова⁸⁰; приказ № 73 от 8 июня 1936 г. (то есть после ареста) гласит: оплатить 3 часа работы по госам на истфаке⁸¹. Можно сделать вывод: до самого заключения Н. И. Ульянов оставался профессором исторического факультета. Из Института истории АН СССР Н. И. Ульянов был отчислен задним числом, 19 июня 1936 г. (официально — якобы 16 апреля 1936 г.)⁸². 1 марта 1936 г. в ЛГУ возвратили первоначальную ставку (не персональную)⁸³, а из состава университета он был исключен только 27 апреля 1937 г.⁸⁴

Статья в многотиражке и исключение из кандидатов ВКП(б) стали причиной ареста Н. И. Ульянова 2 июня 1936 г., потом и суда за «контрреволюционную деятельность, пропаганду и протаскивание антипартийных взглядов в печати» и участие в «к.-р. троцкистско-зиновьевской организации» — то есть ст. 58-10-11 УК. Совершенно ясно, что ученик С. Ф. Платонова, непримиримый противник школы М. Н. Покровского не мог иметь даже просто дружеских отношений со своими оппонентами, а тем более входить с ними в «троцкистскую организацию». Но в 1930-е гг. случались и не такие чудеса. На следствии Н. И. Ульянов держался очень достойно, виновным себя не признавал и никого не опорочил. Против него применялась пытка лишением сна; так, на третий месяц заключения следователь «держал в продолжение 5 суток днем и ночью без сна и отдыха, отпуская в камеру только для принятия пищи, да и то только после того, как она остывала»⁸⁵.

Пятилетний срок Н. И. Ульянов отбывал сначала на Соловках (в Благовещенск только ушел поезд с политическими заключенными) и Норильске. Н. И. Ульянов реабилитирован прокуратурой г. Ленинграда 15 августа 1989 г.

В годы Великой Отечественной войны Н. И. Ульянов, попав в плен, бежал, скрывался на оккупированной территории Ленинградской области и был угнан в Германию как оstarбайтер. После лагерей для «перемещенных лиц», работы сварщиком в Марокко, жизни в Канаде он оказывается в США и наконец возвращается к научной и преподавательской деятельности. В эмиграции с 1956 по 1973 г. историк был профессором Йельского университета в США. За эмигрантский период жизни историк опубликовал восемь книг, три брошюры и около 200 статей. Н. И. Ульянов интересен нашим современникам своими трудами по философии истории, национальному вопросу в России, происхождению украинского сепаратизма и многим другим. В наши дни самый большой интерес вызывает его книга «Происхождение украин-

ского сепаратизма» — первая научная монография по этому вопросу. В ней рассматриваются предпосылки появления «украинства» с XVII в. до 1917 г. Особое внимание автор уделяет разоблачению легенд и исторических мифов псевдонационалистической пропаганды, попавших даже в украинские учебники. После выхода самого большого труда Н. И. Ульянова — монографии «Происхождение украинского сепаратизма» — имя историка становится очень популярным. Он считается главным экспертом по решению украинского вопроса; его, как высший научный авторитет, призывают подписывать различные обращения. Популярность Н. И. Ульянова в среде русских эмигрантов становится настолько велика, что известный монархист Б. Л. Солоневич в своем проекте создания экспертного «Русского Совета» — эмигрантского протоправительства России — называл имя Н. И. Ульянова одним из первых, наравне с изобретателем И. И. Сикорским⁸⁶.

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2262. Л. 1–34; Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3074. Л. 1–10 об.

² ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2262. Л. 1.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 2; Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 88. Л. 112.

⁵ Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3074. Л. 1, 10; Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 328. Оп. 2. Д. 1672. Л. 19.

⁶ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 133. Оп. 4. Д. 4734. Л. 9.

⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2262. Л. 10, 12, 14, 17–18.

⁸ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 133. Оп. 4. Д. 4734. Л. 12.

⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2262. Л. 16.

¹⁰ Там же. Л. 19.

¹¹ Там же. Л. 22–26.

¹² Там же. Л. 34–34 об.; Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 328. Оп. 2. Д. 1672. Л. 10–10 об.

¹³ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2262. Л. 28а–29.

¹⁴ Крейденко В. С. В. А. Зеленко — первый ректор нашего вуза // Сахаровские чтения: Сб. ст. III междунар. науч. практич. конф. СПб., 2012. С. 128–134.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2262. Л. 28а–29.

¹⁶ Ульянов Н. И. С. Ф. Платонов // Спуск флага. New Haven, 1979. С. 127.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2262. Л. 28а–29.

¹⁸ Там же. Л. 30 об. –31.

¹⁹ См. подробнее: Сербина К. Н. А. И. Андреев — ученый и педагог: Из воспоминаний об учителе // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Т. 17. С. 357–363.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2262. Л. 30 об.–31.

²¹ Там же.

- ²² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 4421. Л. 1–3.
- ²³ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2262. Л. 29а–30, 30 об.–31.
- ²⁴ *Платонов С. Ф.* Проблема русского Севера в новейшей историографии // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг.* Вып. 35. Л., 1929. С. 113; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Д. 637. Л. 8.
- ²⁵ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 106.
- ²⁶ *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 39.
- ²⁷ *Ульянов Н. И. С. Ф. Платонов* // *Спуск флага.* New Haven, 1979. С. 127.
- ²⁸ Там же. С. 125–135.
- ²⁹ *Ульянов Н. И.* Скрипты: Сб. ст. Энн Арбор, 1981.
- ³⁰ *Ульянов Н. И. С. Ф. Платонов* // *Спуск флага.* С. 125–127.
- ³¹ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 107.
- ³² Там же. Л. 106.
- ³³ Там же. Л. 109.
- ³⁴ *Багдасарян В. Э.* Историография русского зарубежья: Николай Иванович Ульянов. М., 1997. С. 12.
- ³⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4421. Л. 1–3.
- ³⁶ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. I: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 55.
- ³⁷ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive. W. Weidle Papers. Box. 3. Files: Письма Н. И. Ульянова (Нью-Хевен) к В. В. Вейdle 1965–1967 гг. от 8 июня 1966 г.
- ³⁸ *Ульянов Н. И.* Русские историки XX века. Цит. по: *Коряков М.* Галилеи нашего времени // *Нов. Рус. Слово.* 1958. 27 марта. С. 8.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 96.
- ⁴³ Социал-демократические листовки 1894–1917: Библиогр. указ. Т. 1: Листовки центральных учреждений и заграничных организаций / Под ред. Б. П. Бирмана, Г. И. Крамольника, П. С. Сенниковского; [Сост. Л. И. Радченко, Я. С. Рогинский, Н. И. Ульянов, под рук. С. Н. Валка]. Л., 1931.
- ⁴⁴ *Очерки истории народа коми-зырян.* М.; Л., 1932.
- ⁴⁵ Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3074. Л. 1 об.–2.
- ⁴⁶ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-71288. Т. 1. Л. 56.
- ⁴⁷ Крестьянская война в Московском государстве начала XVII века: Сб. докум. Л., 1935. (Ист. фак. ЛГУ им. А. С. Бубнова).
- ⁴⁸ См.: *Зайдель Г., Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. М.; Л., 1931.
- ⁴⁹ *Гришин.* Необходимо внести ясность // *За пролетарские кадры.* 1935. № 1(76). 4 янв. С. 2.
- ⁵⁰ *Ульянов Н. И.* Русские историки XX века. — Цит. по: *Коряков М.* Галилеи нашего времени // *Нов. Рус. Слово.* 1958. 27 марта. С. 8.
- ⁵¹ *Николаевский Б. И.* Об общественном и личном (Вынужденный ответ Н. Ульянову) // *Соц. вестн.* 1960. № 11. С. 220–224.
- ⁵² *Брачев В. С., Лавров А. С. Н. И. Ульянов — историк России* // *Вестник СПбГУ.* 1993. Сер. 6. Вып. 4 (27). С. 130.

⁵³ Терюков А. И. Н. И. Ульянов и его «Очерки истории народов Коми» // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. С. 181.

⁵⁴ Белянцев Е. И. К историографии начального этапа некапиталистического развития Коми // Тезисы докладов ко 2-й научной региональной сессии: ист. секция / Совет по координац. и планир. Науч.-ист. работ по гуманитар. наукам Волго-Вятского экономического района. Горький, 1965. С. 19–28; *Оборин В. А.* О присоединении Перми Великой к Русскому государству в XV веке // Ученые записки Пермского гос. университета (№ 348). Сер. Исследования по истории Урала. Пермь, 1976. Вып. 4. С. 3–14.

⁵⁵ Мавродин В. В. Советская историография крестьянских войн в России // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Ч. 1. Л., 1967. С. 59.

⁵⁶ Израилевич Л. Николай Иванович Ульянов // За пролет. кадры. 1935. № 3 (78). 22 янв. С. 2.

⁵⁷ Дейч Г. М. Воспоминания советского историка. СПб., 2000. С. 50.

⁵⁸ Рабинович М. Б. Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996. С. 145.

⁵⁹ Информация автору от сына В. В. Мавродина — Валентина Владимировича Мавродина и вдовы Н. И. Ульянова — Надежды Николаевны Ульяновой.

⁶⁰ Ульянов Н. И. Удар по скептицизму // За пролет. кадры. 1934. № 21. 28 окт. С. 2; Израилевич Л. Николай Иванович Ульянов // Там же. 1935. № 3 (78). 22 янв. С. 2; О. Молодой историк ударник // Там же. 1935. № 1 (76). 4 янв. С. 1.

⁶¹ Дейч Г. М. Воспоминания советского историка. С. 50–51; Рабинович М. Б. Воспоминания долгой жизни. С. 145.

⁶² Дейч Г. М. Воспоминания советского историка. С. 50.

⁶³ Там же. С. 51.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1728.

Оп. 1. Д. 162412. Л. 1–24.

⁶⁶ Израилевич Л. Николай Иванович Ульянов. С. 2.

⁶⁷ Дейч Г. М. Воспоминания советского историка. С. 51.

⁶⁸ Рабинович М. Б. Воспоминания долгой жизни. С. 145.

⁶⁹ Рутченко-Рутыч Н. Н. Среди земных тревог: Воспоминания. М., 2012. С. 68–80.

⁷⁰ Там же. С. 68.

⁷¹ Там же. С. 69.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 70.

⁷⁵ За пролетарские кадры. 1935. № 20 (94). 7 ноября. С. 2.

⁷⁶ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Л. 15, 79.

⁷⁷ Брачев В. С., Лавров А. С. Н. И. Ульянов — историк России. С. 130.

⁷⁸ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 328. Оп. 2. Д. 1672.

Л. 15, 19.

⁷⁹ Там же. Оп. 1. Д. 44а. Л. 20, 23, 25.

⁸⁰ Там же. Д. 61. Л. 149.

⁸¹ Там же. Д. 62. Л. 2.

⁸² Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 55. Л. 4.

⁸³ Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3074. Л. 2, 10 об.

⁸⁴ Там же. Л. 3, 10 об.

⁸⁵ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-71288. Т. 1. Л. 52.

⁸⁶ Солонович Б. Л. Кто же??? // Родина (Нью Йорк). 1961. № 98. С. 4.

УДК 930 (092)

Базанов П. Н. Историк Николай Иванович Ульянов — студент и преподаватель Ленинградского государственного университета // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 94–109.

АННОТАЦИЯ: Комплексное исследование жизни и деятельности представителя второй эмиграции, профессора Николая Ивановича Ульянова. Это известный историк русской эмиграции, последний ученик академика С. Ф. Платонова, теоретик философии истории; считается признанным специалистом в национальном вопросе и феномене сепаратизма в России. Он автор первой научной монографии «Происхождение украинского сепаратизма». Статья основана на ранее неизвестных документах — студенческом и преподавательских личных делах историка (Объединенный архив Санкт-Петербургского государственного университета, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Впервые рассматривается студенческий и преподавательский периоды жизни Н. И. Ульянова. Особое внимание обращено на учителей и коллег Н. И. Ульянова — сотрудников Ленинградского университета. Выявлены редкие мемуарные материалы эмигранта о деятельности университета в 1920-х гг. Воспоминания проверены по вновь найденным документам. Особое историческое значение имеют сведения о преподавателях университета 1920-х гг. (педагог В. А. Зеленко, театровед А. И. Пиотровский, историки А. Е. Пресняков, С. В. Вознесенский, А. И. Андреев, П. П. Щеголев). Н. И. Ульянов сообщает неожиданные сведения из жизни и деятельности его учителей и коллег (С. Ф. Платонов, И. М. Гревс, Е. В. Тарле, Ф. И. Успенский, Г. С. Зайдель, М. М. Цвибак, М. В. Левченко, В. В. Мавродин и др.). Большой интерес представляют выявленные воспоминания об Н. И. Ульянове его бывших студентов: Г. З. Дейча, М. Г. Рабиновича, Н. Н. Рутыча. Впоследствии они стали известными историками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Николай Иванович Ульянов, Ленинградский университет, исторический факультет, С. Ф. Платонов, история, вторая эмиграция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (Санкт-Петербург, Россия); bazanovpn@list.ru

Bazanov P. N. Historian Nikolai Oulianov — Student and Lecturer of the Leningrad State University

ABSTRACT: There is a comprehensive study of the life and activities of Professor Nikolai Ivanovich Oulianoff, the representative of the second wave of emigration. N. I. Oulianoff — well-known historian, the last student of academician S. F. Platonov, philosophy of history theorist. He was a recognized expert on the national question and the phenomenon of separatism in Russia. He was the author of the scientific monograph "The Origin of Ukrainian separatism". This article is based on a previously unknown documents — personal files of historian as a student and a teacher (Joint archive of St. Petersburg State University, Central state archive

of St. Petersburg). For the first time in historiography author describes a student and faculty life of N. I. Oulianoff. Particular attention is paid to teachers and colleagues of N. I. Oulianoff — employees of the Leningrad University. The author discovered emigrant's memoir on the activities of the University in 1920. Memories are verified by newly discovered documents. The information about university lecturer of 1920s (pedagogue V. A. Zelenko, theatricologist A. I. Piotrowski, historians A. E. Presnyakov, S. V. Voznesensky, A. I. Andreev, P. P. Shchegolev) is very important. Memoir reveals unexpected details about the life and work of his teachers and colleagues (S. F. Platonov, I. M. Graves, E. V. Tarle, F. I. Uspensky, G. S. Seidel, M. M. Tsvibak, M. I. Levchenko, V. V. Mavrodin and others). N. I. Oulianoff's former students' memories (G. Z. Deutsch, M. G. Rabinowitz, N. N. Rutyh) are of great interest. Later they became known as historians.

KEYWORDS: Nikolai Oulianoff, Leningrad University, Department of History, S. F. Platonov, the history, the second emigration.

AUTHOR: Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University of Culture (St. Petersburg, Russia); bazanovpn@list.ru

REFERENCES:

- ¹ Kreydenko V. S. 'V. A. Zelenko — pervyj rektor nashego vuza' in *Saharovskie chtenija: Sb. st. III mezhdunar. nauch. praktich. konf.* (St. Petersburg, 2012).
- ² Ulyanov N. I. 'S. F. Platonov' in *Spusk flaga* (New Haven, 1979).
- ³ Serbina K. N. 'A. I. Andreev — uchenyj i pedagog: Iz vospominanij ob uchitele', *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*, Vol. 17, 1985.
- ⁴ Platonov S. F. 'Problema russkogo Severa v novejshej istoriografii' in *Letopis' zanjatij Arheograficheskoy komissii za 1927–1928 gg.*, Iss. 35 (Leningrad, 1929).
- ⁵ Platonov S. F. *Lekcii po russkoj istorii* (Moscow, 1993).
- ⁶ Ulyanov N. I. *Skripty: Sb. st.* (Ann Arbor, 1981).
- ⁷ *Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.*, Iss. I: *Delo po obvineniju akademika S. F. Platonova* (St. Petersburg, 1993).
- ⁸ Korjakov M. 'Galilei nashego vremeni', *Nov. Rus. Slovo*, 1958, 27 March.
- ⁹ *Social-demokraticheskie listovki 1894–1917: Bibliogr. ukaz.* Vol. 1: *Listovki central'nyh uchrezhdenij i zagranichnyh organizacij*, Ed. B. P. Birman, G. I. Kramolnik, P. S. Sennikovskiy (Leningrad, 1931).
- ¹⁰ *Ocherki istorii naroda komi-zyrjan* (Moscow; Leningrad, 1932).
- ¹¹ *Krestyanskaja vojna v Moskovskom gosudarstve nachala XVII veka* (Leningrad, 1935).
- ¹² Zajdel G., Cvibak M. *Klassovyy vrug na istoricheskom fronte. Tarle i Platonov i ih shkoly* (Moscow; Leningrad, 1931).
- ¹³ Grishin. 'Neobhodimo vnesti jasnost', *Za proletarskie kadry*, 1935, no. 1(76), 4 January.
- ¹⁴ Nikolaevskiy B. I. 'Ob obshhestvennom i lichnom (Vynuzhdenyj otvet N. Ulyanovu)', *Soc. vestn.*, no. 11, 1960.
- ¹⁵ Brachev V. S., Lavrov A. S. 'N. I. Ul'janov — istorik Rossii', *Vestnik SPbGU*, 1993, Ser. 6, Iss. 4 (27).
- ¹⁶ Terjukov A. I. 'N. I. Ul'janov i ego «Ocherki istorii narodov Komi»' in *Dejateli russkoj nauki XIX–XX vekov* (St. Petersburg, 2000).
- ¹⁷ Belyancev E. I. 'K istoriografii nachal'nogo jetapa nekapitalisticheskogo razvitiya Komi' in *Tezisy dokladov ko 2-j nauchnoj regional'noj sessii: ist. Sekcija* (Gorkiy, 1965).
- ¹⁸ Oborin V. A. 'O prisoedinenii Permi Velikoj k Russkomu gosudarstvu v XV veke' in *Uchenye zapiski Permskogo gos. Universiteta*, Ser. Issledovanija po istorii Urala, 1976, Iss. 4.
- ¹⁹ Mavrodin V. V. 'Sovetskaja istoriografija krest'janskijh vojn v Rossii' in *Sovetskaja istoriografija klassovoj bor'by i revoljucionno-go dvizhenija v Rossii*, P. 1 (Leningrad, 1967).
- ²⁰ Izrailevich L. 'Nikolaj Ivanovich Ul'janov', *Za prolet. Kadry*, 1935, no. 3 (78). 22 January.
- ²¹ Deych G. M. *Vospominanija sovetskogo istorika* (St. Petersburg, 2000).
- ²² Rabinovich M. B. *Vospominanija dolgoj zhizni* (St. Petersburg, 1996).
- ²³ Rutchenko-Rutyh N. N. *Sred' zemnyh trevog: Vospominanija* (Moscow, 2012).
- ²⁴ Solonevich B. L. 'Kto zhe???' *Rodina* (New York), no. 98, 1961.